

HELLONEIGHBOR

ЗАБЫТЫЕ ТАЙНЫ

ОТСУТСТВУЮЩИЕ ФРАГМЕНТЫ

КОШМАР НАЯВУ

ДУРНАЯ КРОВЬ

РОКОВЫЕ ОШИБКИ

МАСТЕР КРОССВОРДОВ

Продолжение следует...

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПО ХОРРОР-ИГРЕ

HELLO NEIGHBOR.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА СОСЕДА

ЗАБЫТЫЕ ТАЙНЫ

КАРЛИ ЭНН УЭСТ

Иллюстрации Тима Хейтца

Москва
2022

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
У99

Carly Anne West
HELLO NEIGHBOR #3: BURIED SECRETS

© 2019 tinyBuild, LLC. All Rights Reserved.

© 2019 DYNAMIC PIXELS™

Russian edition published by Eksmo Publishing by arrangement with
Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA.

Перевод на русский язык *Е. Моисеевой*

Уэст, Карли Энн.

У99 Забытые тайны / Карли Энн Уэст ; [перевод с ан-
глийского Е.А. Моисеевой]. — Москва : Эксмо,
2022. — 256 с. — (Hello Neighbor. Привет, сосед).

ISBN 978-5-04-107678-8

Долгожданное продолжение серии Hello Neighbor. Привет, сосед!

Ники наконец-то смог доказать, что его друзья Мия и Аарон Питерсон пропали. Весь город обклеен объявлениями о поисках ребят, а полиция ведёт расследование. Но Ники не может оставаться в стороне, ведь из окна Аарона кто-то подаёт сигнал о помощи, по ночам слышен скрежет из подвала, а мистер Питерсон ведёт себя ещё более пугающе, чем обычно. Друзья и родители советуют Ники дожидаться окончания официального расследования, и ему приходится действовать в одиночку. Ники проникает в дом мистера Питерсона и находит старые видеокассеты. Но он никак не мог предположить, что ответы на все его вопросы гораздо страшнее, чем могло присниться в самом жутком сне...

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-107678-8

Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

Моя бабушка, бабуля Фейн, называла их пыльными вихрями. Довольно зловещее обозначение для маленьких вихрей, которые порой проносились по пустырю рядом с домом, где мы тогда жили. Они никому не причиняли особенного вреда, кроме, может быть, зарослей амброзии и парочки пауков. Но всё, о чём рассказывала моя бабушка, казалось особенно угрожающим, поэтому я никогда не задавал лишних вопросов.

Мне было пять лет, когда она спряталась от меня в поле. До того дня пустырь принадлежал исключительно мне, и на нём я создавал свой собственный мир. Я пересекал границы участка, хотя родители велели мне этого не делать, но это всегда получалось не нарочно. Я никогда не делал этого специально.

В тот день бабуля незаметно последовала за мной. Она нашла дерево в той части пустыря, которую ещё не успели расчистить для строительства очередного дома, и прижалась к стволу: моя бабуля была маленькой, со спиной-крючком. Наверное, она стояла там больше часа

и следила за мной, пока я играл в супергероев и разрушал вымышленные города с помощью сверхъестественных способностей. Время от времени до меня долетал запах её розовых духов, но тут же растворялся в надвигающихся сумерках.

Она пробыла там до самого вечера, пока всё вокруг не окутала серая дымка. Солнце село, и на небе появилась луна. Я снова подобрался к самому краю своих владений. Оттуда мне почти не было видно крыши нашего дома.

Сначала мне показалось, что дерево ожило. Моё воображение не могло иначе объяснить это внезапное движение. Её длинные, покрытые старческими пятнами пальцы так быстро сомкнулись вокруг моего запястья, что я даже не успел закричать. Она затащила меня в кусты, поджала губы и прошипела, щёлкая квадратными зубами:

— Куда это ты собрался?

Я открыл рот, чтобы ответить, но вместо слов из него вырвался лишь запоздалый крик, и бабуля зажала мне рот рукой, чуть не задушив меня запахом роз.

— Ты ещё больше испугаешь родителей своим криком! Как ты думаешь, где они? Они сходят с ума и повсюду тебя ищут! Разве магазин тебя ничему не научил?

Она засыпала меня вопросами, но я не знал, как на них ответить. Рука, за которую она меня схватила, начала гореть, и в горле у меня защи-пало.

Я знал, что на свете нет ничего ужаснее, чем находиться наедине с бабулей Фейн.

Пыльные вихри, кружившиеся на пустыре, дошли до самой его границы, возможно, чтобы спасти меня, но как только на их пути появился кустарник, они исчезли, оставив лишь тонкий слой пыли на моих ботинках.

Бабуля согнулась ещё ниже, и теперь её лицо было рядом с моим. В её карих глазах мерцали мелкие ярко-синие и зелёные крапинки, словно крошки пирога. Её глаза всегда были слезящимися, с красным ободком, но я никогда не видел, чтобы она плакала. Ни разу.

Её нижняя губа задрожала.

— Может быть, ты уходишь так далеко, потому что хочешь быть один?

Она снова показала зубы, и её глаза расширились. Это была самая ужасная улыбка, которую я только видел.

— Вот оно что! Ты хочешь остаться совсем один.

Выпустив моё запястье, бабуля отступила назад, в сторону дома. В мгновение ока сумерки превратились в ночь, и внезапно заросли на гра-

нице пустыря, сам пустырь и уютный дом оказались очень далеко.

— Бабушка, не уходи! — взмолился я.

— Прости, малыш, но так всегда происходит с маленькими мальчиками, которые любят бродить одни, — ответила она. Её голос становился всё тише, по мере того как она удалялась от меня.

Казалось, не было ничего сложного в том, чтобы последовать за ней, но это было совершенно невозможно сделать, потому что рядом не было никого, кто вывел бы меня к дому.

— Бабушка, я хочу домой!

Теперь её голос доносился совсем издалека.

— Те, кто любит бродить в одиночестве, остаются одни, волчонок. Ты потеряешься, если только...

И на этом всё. Я уверен, что она сказала что-то ещё. Должна была сказать. Но после наступления сумерек, превратившихся в ночь, когда она ушла и оставила меня одного в зарослях, я так и не смог вспомнить её слов.

Я лишь помню её сгорбленную спину и чуть видную цепочку следов, по которым я мог дойти домой.

ГЛАВА 1

Я резко пробуждаюсь ото сна, напугав всех в машине. Мой ремень безопасности намок от слюны, а голова разболелась, потому что во сне я неудобно прижимался ею к стеклу.

— Добро пожаловать на землю, храпун! — Энзо толкает меня.

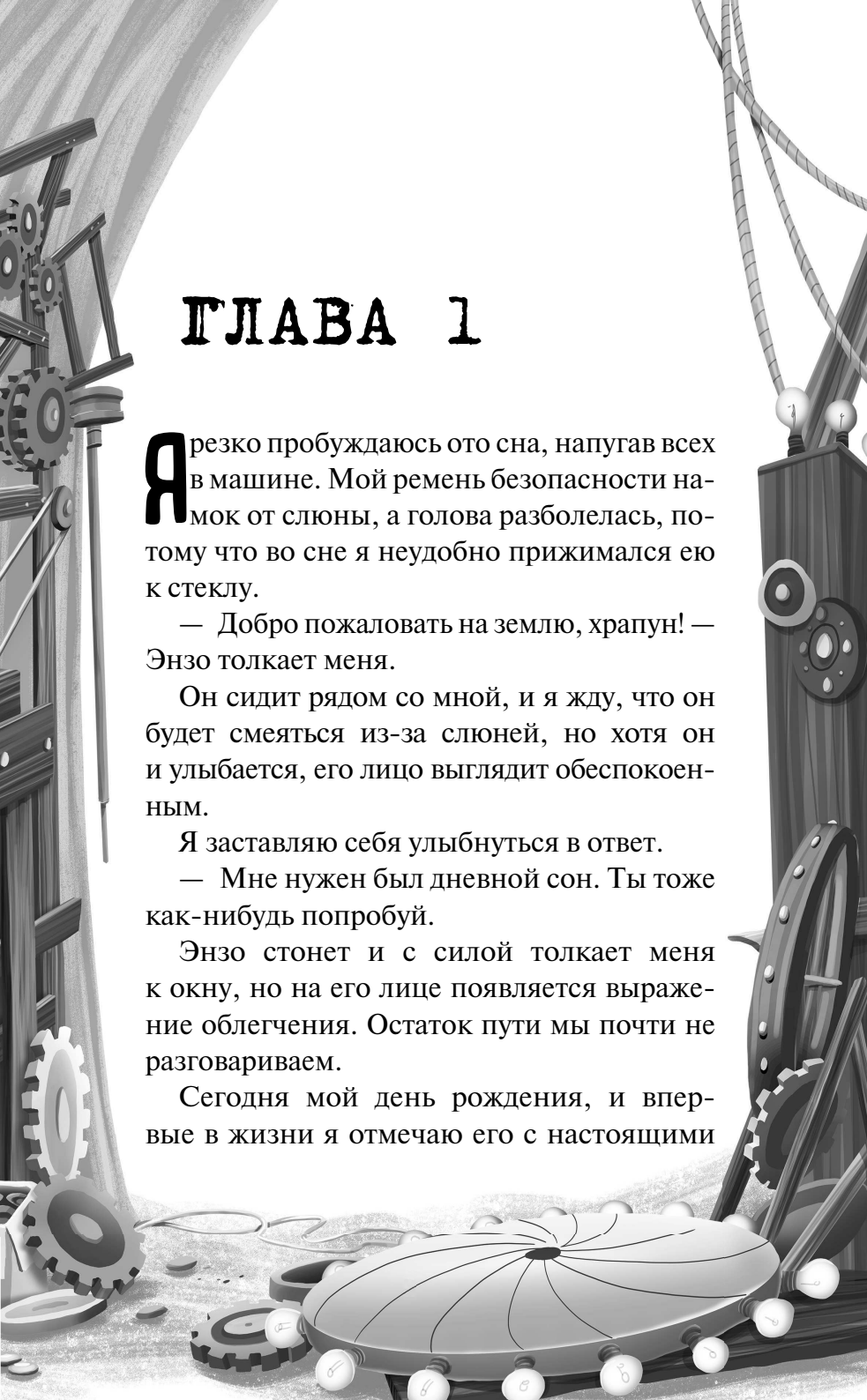
Он сидит рядом со мной, и я жду, что он будет смеяться из-за слюней, но хотя он и улыбается, его лицо выглядит обеспокоенным.

Я заставляю себя улыбнуться в ответ.

— Мне нужен был дневной сон. Ты тоже как-нибудь попробуй.

Энзо стонет и с силой толкает меня к окну, но на его лице появляется выражение облегчения. Остаток пути мы почти не разговариваем.

Сегодня мой день рождения, и впервые в жизни я отмечаю его с настоящими

друзьями. Побочный эффект частых переездов состоит в том, что ты никогда не задерживаешься в одном месте достаточно долго, чтобы было кого пригласить на вечеринку. У меня был почти год, чтобы об этом подумать, и вот к какому заключению я пришёл: Равен Брукс — такой же странный, как и я. Может быть, это означает, что я наконец-то дома.

Мы въезжаем на большую парковку и вылезаем из машины, потягиваясь и жалуясь на почти трёхчасовую поездку. Я не помню, кто именно предложил «Страну веселья», но поскольку день рождения у меня, это, скорее всего, моя вина.

— Что ж, неплохо. Мы всё-таки выдержали эту поездку. Кажется, у нас было настоящее сопровождение, — говорит папа. По-моему, он единственный, кого поездка не утомила.

— Джей, я тебе в сотый раз повторяю, мы не будем покупать радиоприёмник, — отвечает мама, вытаскивая из машины торт и подарки и отдавая их нам.

— Я просто хочу сказать, что долгая дорога может быть одинокой, — возражает папа, слегка надувшись.

— Что ж, твоему внутреннему дальнобойщику придётся привыкнуть к голосу его заботливой жены. — Мама прижимается щекой к папиному лицу и целует его, пока мы не уложим бредём к кассе, потому что ноги затекли.

Я мысленно напоминаю себе отремонтировать радиоприёмник для папы.

Другие родители тоже приехали — мистер и миссис Бейлс, мистер и миссис Эспозито. Тринити идёт рядом с родителями и тепло улыбается мне. Не знаю, как, но кажется, она догадалась, что эта улыбка мне очень нужна. Я сделал всё, что мог, но эта зима оказалась слишком тяжёлой. После проблем с мистером Питерсоном, вмешательством полиции и доказательствами (по крайней мере, тем их подобием) взрослые решили, что детям лучше всего забыть обо всём случившемся и жить дальше.

Жить дальше. Так просто. Всё равно что проехать мимо места аварии на дороге. Кому-то не повезло, но сейчас надо сосредоточиться на движении вперёд. Я смотрю на Марицу, которой пришлось дважды через это пройти — один раз с Люси, а потом с Мией. Может быть, поэтому она выглядела такой смирившейся? Поэтому она не заявляла, что сколько бы мы ни искали по выходным и сколько бы объявлений ни расклеили, нам и без того прекрасно известно, кто во всём виноват, а взрослые в это время просто сидят и ничего не делают?

Мама с папой даже водили меня к психологу — факт, который они предпочли скрыть от остальных. Они говорят, что это всё для того, чтобы меня защитить, но какая-то крошечная

часть внутри меня задаётся вопросом: кого на самом деле они защищают? Мама по-прежнему ждёт финансовой помощи от «Планеты-Про», а папа только что уладил все дела в газете с мистером Эспозито. Уверен, что последнее, чего они хотят — это чтобы все знали, что их сын чокнутый преступник.

Ой, простите. Я всего лишь «чувствительный подросток, склонный к тревожности и навязчивому поведению», как сказал Доктор Папоротник. Я никак не могу запомнить его имя, поэтому всегда думаю о нём, как о человеке, в кабинете которого пахнет банановой кожурой, а сам он сидит рядом с громадным пластиковым папоротником. Так я его называю — Доктор Папоротник.

И он в общем-то прав. Я «очень чувствителен» к тому, что, несмотря на полную свидетельств папку, полиция по-прежнему верит, что мистер Питерсон всего лишь странный тип, а его дети просто сбежали из дома своей тёти. У меня появилось это «навязчивое поведение», потому что маньяк с другой стороны улицы не только поёт жуткие песенки и в одиночестве рубит мясо в своём жутком доме, но и знает, что я слежу за ним, собираю доказательства и передаю их в полицию. И я «склонен к тревожности» из-за фактов, которые мог пропустить, глядя на то, как объявления об исчезновении Аарона и Мии

висят и тускнеют от времени, потому что все решили «жить дальше».

Да. Наверное, я чокнутый. А мистер Питерсон по-прежнему живёт в доме напротив, целыми месяцами стучит молотком и сверлит неизвестно что, а посреди ночи заводит совершенно обычную карнавальную музыку.

— Значит, сначала торт? — с трудом переводя дух, спрашивает мама, когда мы наконец добираемся до праздничного павильона «Страны

веселья», который представляет собой закрытый дворик с вентиляторами на потолке и столиками для закусок.

— Думаю, нам придётся это сделать, — говорит мистер Бейлс. — Иначе этот торт просто растает.

После поздравлений и задувания свечей я снова изображаю на лице ту же улыбку, что и в машине, и изо всех сил пытаюсь чувствовать себя счастливым. Мы находимся в парке развлечений, который не сторел и не пустует. Насколько я знаю, здесь никто не умер. Конечно, мистер Питерсон принимал участие в строительстве этого парка, как и тысяч других парков за пределами Равен Брукс, но это не значит, что его невидимое присутствие должно испортить и этот день.

Мама режет торт и даёт папе две тарелки.

— Ты ведь всё равно попытаешься утащить лишний кусок, — объясняет она. — Так что давай обойдёмся без лишних слов.

— И именно поэтому ты настоящая богиня, — отвечает папа, кладёт подбородок маме на плечо, а потом занимает угловой стул.

Когда мы берёмся за вилки, мистер Эспозито откашливается и кивает моим родителям.

— Кажется, мы кое-что забыли, — говорит он, и родители поспешно подставляют к столу ещё два стула, сменяя одноразовую скатерть.

— Вот так, — говорит папа и торопливо объясняет: — У Мигеля появилась идея отдать дань уважения двум людям, которые могут... — Он смотрит на маму, пытаюсь найти нужные слова, но у неё такой же беспомощный вид, как и у него. — Чтобы помнить, что...

— Вспомнить о друзьях, которые мысленно с нами, — заканчивает мистер Эспозито, и только теперь до меня доходит.

Марица смотрит на меня, и если моё лицо такое же пунцовое, как и у неё, значит, мы оба пытаемся понять, смущены мы или разгневаны.

Мысленно с нами... Но это не так. Потому что пора двигаться дальше. На этот раз по-настоящему.

Тринити и Энзо переглядываются, смотрят на нас с Марицей, а потом опускают глаза, потому что смотреть на родителей означает выдать наши чувства. Мы в ярости от того, что взрослые решили за нас, как мы должны себя чувствовать.

Родители болтают, а мы вчетвером молча едим, а потом бросаемся к дверям с криком: «Встретимся на этом же месте через два часа!»

Как только мы оказываемся вдали от родителей, Энзо говорит:

— Он просто хотел помочь. — Энзо имеет в виду своего папу.